

Эрос, отважный и бездомный, вечный дух любви, *pontifex*, строитель мостов через Стикс и Ахерон, Флегетон, Лету и Коцит, мостов, соединяющих небо и землю, дух и плоть, рай и ад, ведет нас путями неведомыми и ненадежными в будущее, грозно пылающее там, на другом берегу...

Авсоний Сидонский

Ничто, когда-либо занимавшее живых людей, не может вполне утратить жизненную силу — ни один язык, на котором они говорили, ни один божественный глагол, при возвещении которого они умолкали, ни одна грёза, когда-либо пленявшая человеческий дух: ничто, чему люди когда-либо отдавались сильно и со всем пылом страсти.

Уолтер Патер

Часть I
ПАРАБАСИС

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДОН ЧЕМА, мессер **ХОСЕ-МАРИЯ РАМОН ДЕ ТЕНОРЬО-И-СОМОРА**, великий квалификатор святой инквизиции, доктор обоих прав, адамант Господень и мастер по бритью женских ног.

Его любознательный и похотливый секретарь **МАЗО**, тахиграфист и книжник.

Статная **МОНА ВЕРА**, милая хромоножка **НОТТА** и **МАДОННА АНТОНЕЛЛА ДИ РОТТА-МОНАЛЬДЕСКИ**, прекрасные пленницы Эроса.

ФИКА, алчная и блудливая кухарка, мать Нотты.

Папа римский **КЛИМЕНТ VIII**, в миру — Ипполито Альдобрандини, *Pontifex Maximus*, раб рабов Божьих, друг кофе, враг испанцев и евреев.

Камерленго Святой римской церкви **ПЬЕТРО АЛЬДОБРАНДИНИ ДИ МАДОННА**, могущественный кардинал-племянник и несчастный отец.

Субдатарий Римской курии **ДОН АНТОНИО ДЕЛЬ МОЦЦИ**, хозяин «ночных псов».

ДЖОВАННИ КАВАЛЬЕРИ, великий трансформатор.
МАРУЦЦА, ищейка, кипящая червями.

Свирепый **Капата**, капитан Саксонской дюжины
и владелец мориона из цельного куска стали.
Веселый монах по прозвищу **Басту** и его возлюбленная
Невидимка без когтей и крыльев.
Брат **Уго**, изобретатель *amor machina* и «ста гвоздей».
Джулио Романо, **Маркантонио Раймонди**, **Пьетро**
Аретино и **Агостино Карраччи**, порнографы.
Кардинал **Роберто Беллармино**, профессор
Ипполито Марсили и другие ученые мужи,
которые уверенно вели святую инквизицию по пути
прогресса, способствуя ее превращению в светоч
гуманизма.

Каноник **Марсилио Фичино**, коротышка и заика,
домашний врач Козимо Медичи и наставник Лоренцо
Медичи, создатель платоновской версии христианского
учения о душе: «Душа существует среди смертных
вещей, сама не будучи смертной... Другие вещи под
Богом — каждая в себе — суть отдельные предметы,
она же является одновременно всеми вещами. В ней —
образы вещей божественных, от которых она зависит,
она же — причина и образец для всех вещей низшего
порядка, которые некоторым образом сама же
и производит. Будучи посредницей всех вещей, она
обладает способностями всех вещей... Ее справедливо
можно назвать центром природы, посредницей всех
вещей, лицом всего, узлом и скрепой мироздания
(*copula mundi*)».

Das Schöne ist nichts als des Schrecklichen Anfang*.

R.M. Rilke

Голая женщина кормила голубей пшеницей. Она лежала на боку, закинув правую руку за голову, а левую свесив почти до пола, и свет заходящего солнца, проникавший в зал через высокие окна, мягко обрисовывал ее безупречное тело, золотя холмы, растекаясь по пажитям и сгущаясь в ложбинах. Ее голова, подмышки и лобок были начисто выбриты.

Голуби громко ворковали и клевали зерно, рассыпанное на простынях, подушках, на женской груди, на животе и бедрах, выхватывали пищу из створок розовой раковины, всякий раз заставляя женщину вздрагивать.

Когда я шагнул к кровати, звякнув шпорами, птицы шумной стаей взлетели под купол, с которого взирал на людей разгневанный седобородый Творец, окруженный ангелами в пылающих одеждах.

---

* Прекрасное — то начало ужасного, которое мы еще способны вынести. Р.М. Рильке (нем.).

Женщина легла на спину и разжала левый кулак — сквозь пальцы потекло на пол зерно, к которому из-под купола устремился самый отважный голубь.

Едва я наклонился к ней, как она открыла глаза, а рука ее скользнула в складки одеяла.

— Осторожнее, — сказал дон Чема за моей спиной, — нож!

Но женщина уже замерла, обмякла, словно лишившись сил, и взгляд ее узких глаз, вспыхнувших было адским пламенем, превратился в сонную зеленую воду.

Сейчас и я разглядел рукоятку ножа, спрятанного в складках шелка, и пятнышки крови на руках и груди красавицы.

— Неужели это Нелла? — спросил я в изумлении.

Дон Чема ловко перевернул женщину на живот, чтобы я мог разглядеть цепочку родинок, тянувшихся через ягодицу к бедру и похожих на следы птиц.

— Это она. Заверните ее в плащ и любовно свяжите. И обыщите дом. Поторопитесь — скоро стемнеет.

Он остался в спальне, а мы бросились выполнять приказ.

Здание было полуразрушенным, полурастащенным, полузагаженным: древний мавзолей богатой римской семьи, который много раз перестраивался, превратился в конце концов в жилой дом, служивший в последние годы притоном для отребья.

Десяток тесных каморок наверху, внизу — кухня с огромным очагом и горшками, полными куриных

костей, чулан с повешенной женщиной, кипевшей червями, большой зал с топчаном, жаровнями, мольбертами, кусками мрамора и столом, заваленным объедками, бумагами, тряпками, засохшими кистями, и просторная спальня с шестью высокими окнами и широкой кроватью без балдахина, запах экскрементов, пятна крови...

Среди бумаг на столе обнаружилась также книга Авсония Сидонского в латинском переводе, название которой было наспех соскоблено, угадывались только два слова — *amor* и *historia*.

Добыча наша оказалась довольно скудной — несколько тетрадей, книга да холст, свернутый в трубочку и перевязанный грязной бечевкой. И никаких следов человека, кровью которого была забрызгана женщина в спальне.

— Поспешим, — сказал дон Чема.

Он взгромоздил связанную женщину на своего коня, мы зажгли факелы и рысью выехали на дорогу, ведущую в город.

Впереди скакали двое самых сильных воинов, позади — двое самых надежных, остальные держались по бокам, охраняя дону Чему, меня, спеленутую женщину, тетради и холст, свернутый в трубочку и перевязанный бечевкой.

Саксонская дюжина — так называли наших солдат. Они входили в охрану кардинала Альдобрандини, но всегда были к услугам дону Чемы. Их итальянский словарь сводился к нехитрому набору слов, относящихся к еде, деньгам и сексу, однако этого им

хватало с лихвой. Эти парни плохо владели нашим языком, но очень хорошо — своим оружием, а в Риме это умение ценилось уж никак не меньше жизни.

Их капитан носил прозвище Капата*, потому что в разгар драки пускал в ход свою голову, которой мог и убить: вместо лба, снесенного вражеским мечом, у него была толстая медная пластина.

Рим давно не был первым среди городов, золотой обителью богов, воспетой поэтами.

Неделю назад на Корсо, близ церкви Санта-Мария-ин-виа-Лата, средь бела дня был ограблен венецианский посол, карета которого провалилась в яму. Посла и его сундуки с серебром не спасли ни титулы, ни вооруженная до зубов охрана.

Что же тогда говорить о развалинах древних дворцов, терм и стадионов, где гнездились отъявленные злодеи, с наступлением темноты выходившие на охоту, как хищники в диких лесах.

Мавзолеи же и гробницы, стоявшие по обеим сторонам Аппиевой дороги, издавна населяли нищие, калеки, грабители, воры, торговцы краденым, убийцы и одноногие проститутки, безжалостные, как дети.

С тяжким звоном скакали мы по лощенным камням «царицы дорог», вздымая над головами факелы, ощетинившись копьями, сверкая доспехами, готовые в любой миг отразить нападение разбойников, которые следили за нами из-за кипарисов.

---

* *Capata* — удар головой (*umal.*).

И даже когда вдали показались уродливые стены Колизея, над которыми поднимались печные дымы, мы не ослабили бдительности, хотя и были вынуждены сбавить шаг — мешали горы мусора, местами возвышавшиеся до лошадиных губ.

Мне казалось, что наш путь лежит на другой берег Тибра, в Ватикан, где папа Климент VIII ждал известий о судьбе своей внучатой племянницы, а камерленго Святой римской церкви кардинал Пьетро Альдобрандини ди Мадонна — доклада о злключениях своей дочери, но дон Чема свернул к Авентинскому холму, где за воротами Сан-Паоло, неподалеку от базилики Святой Сабины, стоял его дом.

— Сегодня воскресенье, Мазо, — сказал он, заметив мое недоумение, — сегодня мы предаемся науке смирения.

Атлет Иисуса, подвижник Господа ради, страж добра, неуклонный враг Сатаны, неудержимый воин духа, неустрашимый и прямой, как его вера, мессер Хосе-Мария Рамон де Тенорьо-и-Сомора по прозвищу дон Чема был терциарием Доминиканского ордена, великим квалификатором — следователем по особо важным делам Конгрегации священной канцелярии, авторитетным ересиологом, экспертом по духам двенадцати категорий и тварям неведомым, но существующим, доктором *utroque iure** и доктором

---

* Доктор обоих прав, гражданского и церковного (лат.).

теологии, левой рукой всеильного кардинала-племянника Пьетро Альдобрандини и лучшим мастером по бритью женских ног.

Бритье женских ног входило в его *ars humilitatis**, которой он занимался по воскресеньям, и ничто не могло этому помешать.

Но тем вечером, прежде чем предаться ученым занятиям, дон Чема приказал устроить Неллу в комнате рядом с кухней под присмотром надежной и бодрой старушки, вооруженной четками и острым ножом, а потом продиктовал письмо, адресованное кардиналу-племяннику:

«Ваше высокопреосвященство, она жива и находится у меня. Однако ее состояние внушает опасения. Буду весьма и весьма признателен, если завтра пришлете ко мне сера Сантоцци, чтобы он осмотрел девушку и сделал необходимые распоряжения.

Datum Romae,

Aventinus,

28 августа 1601 года».

Обычно в коротких деловых посланиях кардиналу-племяннику обращение к нему по обоюдному согласию сокращалось до аббревиатуры *V.E.D.* — *Vestra Eminentiam, Dominum***, но на этот раз дон Чема решил, видимо, подчеркнуть эмоциональную и сюжет-

---

* Наука смирения (*лат.*).

** Ваше высокопреосвященство (*лат.*).

ную значимость события, прибегнув к полному титулованию.

Письмо было вручено капитану саксонцев, который тотчас со своим отрядом отправился в Ватикан.

И только после этого дон Чема, убедившись, что ворота, двери и окна заперты на тридцать девять засовов и двенадцать замков, приказал подавать ужин.

Когда дон Чема уставал или был взволнован, он слегка прихрамывал — давала о себе знать старая рана.

Тем вечером он припадал на ногу сильнее обычного.

Воскресное меню вполне отражало характер хозяина, предпочитавшего простую речь, простую еду и простых женщин. Однако вечернее застолье редко сводилось к тривиальному приему пищи: как-то после ужина дон Чема заставил нас дышать дымом табачных листьев, привезенных из колоний, в другой раз мы давились горьким турецким кофе, который так понравился Клименту VIII, что он призвал «отнять этот чудесный напиток у дьявола», а в начале лета после трапезы хозяин угостил нас листьями растения, которое индейские короли называют «кока», после чего я оказался в некоей спальне, где раб рабов Божьих занимался иррумацией с его высокопреосвященством, и не знай я, что понтифик прикован к постели тяжелой подагрой, решил бы, что это происходит наяву...

Но тот вечер обошелся без сюрпризов.